

Валентина Мясникова
Холод омута

Сборник стихотворений. Книга пятая

Валентина Серафимовна Мясникова
Холод омота. Сборник
стихотворений. Книга пятая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43435784
ISBN 9785005018120

Аннотация

Истории и персонажи выдуманы и не имеют никаких реальных прототипов, все совпадения случайны. Мой главный критик – Третьякова Дарья.

Содержание

Я тебя как будто знаю	7
Твари	8
Долгожданная попутка	9
Холод омута	12
Зачем тревожишь сны луна	14
Ночной гость	16
Дом боярский	18
Леший	21
Пепел	24
Два «Я»	25
Деревенька Чёртова	26
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Холод омута
Сборник стихотворений.
Книга пятая

Валентина Серафимовна
Мясникова

© Валентина Серафимовна Мясникова, 2019

ISBN 978-5-0050-1812-0 (т. 5)

ISBN 978-5-0050-1813-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Валентина Серафимовна Мясникова

Истории и персонажи выдуманы и не имеют никаких реальных прототипов, все совпадения случайны.

Дарья Третьякова «Не уходи»

Я тебя как будто знаю

Я тебя как будто знаю, словно видела однажды.
Ты живёшь в далёком крае, где пески горят от солнца.
За тобой бежать устала, с хрипотой окликнув дважды,
Пересохло в горле жаждой, в стуке замирает сердце.
Я моложе, ты же старше, мы с тобой чуть-чуть похожи.
Под палящим в небе солнцем ты идёшь, не уставая.
В чёрном длинном балахоне молчаливая, чужая
От меня во сне уходишь, слёзы горькие до дрожи.

(23.12.2013 г.)

Твари

Вздвогнув в испуге, вдруг выдохнет боль невольно,
Кровью на стенах размазано во все стороны.
Теперь её сердце не бьётся, и ей не больно,
А твари склонились над телом словно вороны.

Здесь крупных купюр не нашли, а мелочь брошена...
Руки в наколках лезут к ушам... серьги снятые.
Взглядом застывшим смотрит на них настороженно.
К той смерти привыкли твари, Богом проклятые.

(28.05.2013 г.)

Долгожданная попутка

К полустанку приближаясь, у солдата от волненья
Сердце радостно забилося. Выйдя на перрон с вагона,
Он вдохнул морозный воздух и без всякого сомненья
Поспешил искать попутку, веря, вскоре будет дома.

На попутках добираться доводилось часто раньше...
Но сегодня битый час он взад-вперёд ходил без толку,
Вдруг решил идти пешочком, боль унять в ногах
озябших.

Вслед сорока-белобочка стрекотала без умолку.

Был от дома в полпути он, когда тучи, наплывая,
Принесли с собою бурю, света белого не видно.
Вещмешок колотит в спину, то и дело с плеч спадая.
Стало зябко под шинелью, пальцы ног крючком сводило.

Думал: «Вот ведь невезуха, коли знать, что быть метели...
Отсиделся б на вокзале, а теперь назад, иль к дому?»
Расстояние, примерно, километров семь, не мене.
При хорошей бы погоде ходу два часа младому.

Продвигаться по дороге становилось всё труднее.
Ждать, что встретится попутка – времени пустая трата.
«Не уснуть бы тут, – подумал, – что-то веки тяжелеют».

Ветер залихватски воя, убаюкивал солдата,

Навевая ему грёзы – вьюгу в «платье подвенечном»,
Что вокруг него танцует, лезет под шинель в объятия.
Сириус – планету скорби, души там в покое вечном...
Видя бабушкин фантом, руки вскинул к ней в распятыё.

Явно бабушка родная вдруг взяла его за руку,
Уводя от бури снежной по дороге ей ведомой...
Говорит: «Нельзя спать, внучек, что ж ты выбрал в жёны
вьюгу?
Ведь тебя ждут не дождутся мать с отцом, невеста дома».

Он от забытья очнулся, вытер слепшие ресницы,
Вьюги след простыл, за нею словно шлейф метёт позёмка.
Слышит за спиною окрик: «Эй, служивый, вскинь
зеницы,
Так ведь стопчут на дороге, и замёрзнуть-то не долго».

Шепчет мёрзлыми губами: «Я присел лишь на минутку,
Моё тело как чужое, мне не хочет подчиняться.
Как ты кстати подросла, долгожданная попутка...
Видно, Ангел мой хранитель Вас послал помочь
подняться».

Будто кони вороные, аж в затылок ему дышат,
Кучер, схожий на цыгана, будто шубу ему кинул.
Закружилось каруселью небо, поле, дым над крышей...
Лишь на миг собачий лай в его ушах возник и сгинул...

Утопает в горизонте прядь багряного заката,
Недалёко от деревни жуткие следы расправы...
В сапогах от ног суставы – что осталось от солдата.
Волки, ненасытно воя, жадно лижут снег кровавый.

(25.03.2019 г.)

Холод омота

Он ходил взад-вперёд, вдохновлённый свеченьем луны,
Глядя в млечный пейзаж, фантазировал жуткий сюжет...
Веря жизни за гранью – врата рая, врат сатаны.
Вдруг почувствовал холод, желанье укутаться в плед.

Звуки скрипки, навеянной ветром в земном бытие,
Натолкнули на мысль – жизнь людей тоньше их волоска.
Не доля «чёт-нечёт», у ушедших один Кутюрье,
«Чур, меня, – шепчет он, видя тень, – смерть в помине
легка».

В горизонте гроза прокатилась, запахло смолой,
Будто в хмари небес пронеслась колесница извне...
За собой смерч неся, молний всплески, стрела за стрелой
Попадали к нему, чиркнув знак на оконном стекле.

И на землю сухую тотчас хлынул дождь проливной,
Он сквозь нити дождя под окном вдруг увидел фантом...
На изрытом от тлена лице волчий взгляд неземной,
Как рентген просветив его душу, скользнул к нему в дом.

В его доме тоска паутину плетёт день и ночь,
Подавляя желание жить, унося в круговерть...
От тоски сам не свой, но не в силах её превозмочь,

Таял словно свеча, в наваждениях чудилась смерть.

Он за нею след в след уходил к топи чёрных болот...

Думал, в холоде омота, видно, судьба умереть.

Каждый раз его сон прерывал зорьки нежный восход,

Когда страх застывал комом в горле – дыхания нет.

Вдруг он понял, что смерти боится как ладана чёрт,

Хоть о нём плакать некому, есть ещё чем дорожить.

Он возможно к себе притянул духов, что за чертой...

Увлекаясь иным, словно дьяволу дался служить.

И, цепляясь за жизнь, дал обед об ином не писать,

Только «немощи тлен» глубоко корни в тело пустил.

Ему слышались в каждом углу жуткие голоса,

Они отняли данное время ему свыше сил.

И однажды в полуночи видит коней вороных,

На одном будто он, на другом – наважденье луны,

Пуще ветра неслись, исчезая в нирване иных...

Там простился с душою своей, встретив взгляд сатаны.

(10.03.2019 г.)

Зачем тревожишь сны луна

Угасла жизнь в его глазах,
От боли сердце её ноет.
Теперь он там, на небесах...
Вкруг дома ветер скорбно воет.

В избе такая пустота,
Куда бы спрятаться, забыться?
Он к ней приходит иногда,
В окно стучится белой птицей.

Толь наваждение, иль сон?
Окошко настежь раскрывает.
Он ей знаком и незнаком...
В его объятьях застывает.

Качалось небо в лоне волн,
С ним в мириады звёзд ныряет.
Её рука его ладонь
В морском течении теряет.

Он возвращался к Нептуну,
Весь чудным светом облечённый.
Всё было словно наяву,
Ввысь её взгляд опустошённый.

Над нею тьма черным-черна,
Наружу с губ стенанье рвётся.
Зачем тревожишь сны, луна,
Пусть об ушедших боль уймётся.

(19.12.2018 г.)

Ночной гость

Окольцованная лесом деревенька у реки,
Глухомань и бездорожье – от райцентра далеко...
Здесь охотой промышляют, да рыбалкой рыбаки,
Беднота во всех подворьях – выживают, кто как мог.

Нет больницы, почты, школы – всё за «тридевять
земель»...

Вместо доктора знахарка не даёт им помереть.
Роды, сглаз, болезни, вывих... обращались люди к ней.
Не обходится без слухов, хочешь, верь тут или нет.

Будто ночью к той знахарке, как обычно, в двери стук,
Она, крикнув «не-за-кры-та...», в ступе травушку
мельчит.

Гость настойчиво стучится, но не входит в дом и вдруг,
Она слышит голос властный: «Ме-ня на-до при-гла-
сить...»

«Так в чём дело, проходите... мне людей дал Бог лечить».
В мыслях у неё мелькнуло: «Экий каверзный больной».
Видно шёл к ней издалёка, знать, не помогли врачи,
Подкрутив фитиль поярче, видит взгляд его стальной.

С керосиновой лампы копоть лижет потолок...

Тень не падает от гостя, замечает вскользь она.
То «Воланд» по её душу... от догадки к сердцу ток...
Он суёт ей свиток в руки, снизу подпись «Сатана».

Ну, она не лыком шита, развязала кошелёк,
Что за поясом хранила, там из мака оберёг...
Сыплет демону на пятки, взгляд его огонь исторг,
Вмиг пред нею тенью сгинул, ей под ноги свиток лёг.

Будто охнула избушка, свиток как живой в руках...
Коль нечистый лезет в душу, не минует её смерть.
Вторит мысли ей кукушка, встали стрелки на часах,
Шепчет на воду знахарка: «Не дай, Боже, умереть...»

Кружит голову дремота, беспокоен сон её,
Видит смерть у изголовья с остро точеной косой.
Свиток кровью смерть кропила, внутрь вогнав ей
остриё...
Душу вынула из тела под глубокий выдох «о-о-о-й»...

За чертою... у Воланда стала знахарка служить,
Помогает на закланье души смертных обнажить.
Людам эта деревенька больше не принадлежит...
Здесь в обличье человеческом дух коварства, злобы, лжи.

(26.11.2018 г.)

Дом боярский

Ещё в давние года хутор здесь обосновался.
От него с полкилометра через лесополосу
За оградой резной дом боярский красовался.
Та усадьба в завещаньях переходит по родству.
Дом обходят стороною, много слухов вокруг него...
Будто каждый из наследников – потомственный колдун.
Будто люди в полнолуние, ни с того и ни с сего,
В никуда идут из дома, в семью принося беду.

В ночь на пятницу тринадцатое был ведун взбешён,
С каждым разом спрос у дьявола всё строже с колдуна.
В этот раз невинной деве путь последний предрешён,
А у девы Ангел сильный – «мать в рубашке родила».
Ночь, сиреневым туманом завораживая взгляд,
Протянув объятья к деве, обволакивает сном.
У ведьмака для девицы за чертой дорога в ад,
Колдовством её тиранит, манит в свой боярский дом.

Дева сонная с постели открывает в полночь дверь,
Шаг, другой во тьму густую под собачий жуткий вой.
Зов буравит перепонки, слух и взгляд стаёт острее,
Как анчутки всюду кошки – впереди и за спиной.
Словно зомби шла к ведьмаку, что за лесополосой,
Вся сорочка в лоскуточки о корявый сухостой.

Спотыкаясь, ранит ногу, с окровавленной стопой,
До ручья дойдя, умылась родниковой водой.

Спал дурман сию ж минуту, страх обуял в темноте,
Донеслись до неё звуки клавесина вдалеке...
Ожил лес, виденья всюду, как в театре варьете...
Видя призрачные трюки, дева замерла в тоске.
Как пришла сюда не помнит, лунатизмом не больна,
Она взглядом лес обводит, всюду кошачьи глаза...
Жуть от кошачьих разборок сводит девицу с ума,
На висках её как иней стали за ночь волоса.

Трепет алого багрянца чуть заметен вдалеке,
Чары с утренним туманом растворились без следа.
Там, где дева умывалась, змеи спутались в клубке,
Она, в ужасе отпрянув, добежала до пруда.
Здесь, переводя дыханье, от тропы рукой подать,
Видит дом кирпичной кладки, о котором слух идёт.
Плющ каскадом на фасаде, где от ягод чёрных яд...
Деву будто кто толкает в пруд, где ряска в лоне вод.

Слухи вспомнились невольно, зная, не зря идёт молва,
И окольными путями дева к хутору спешит,
Не то сплетни разнесутся с вида нижнего белья...
Ей потом от разговоров нелегко придётся жить.
Вдруг почувствовала холод, словно приложили лёд.
Пред глазами круговертью закружился белый свет.
Оказалась рядом с домом, где колдун седой живёт.
Плющ вырастает в её тело, дева явно видит смерть.

(14.11.2018 z.)

Леший

Меж болотом, чащей леса неказистая избушка,
В ней Кикимора и Леший – духов целое потомство...
Над избою вяз корявый, клёкот филина с верхушки,
Этак оборотень Леший возвещает беспокойство.
Вкруг трясины, словно тролли, сухостойные деревья,
Создала их жуткий образ сама матушка природа.
Звуки таинством витают в свете лунного свечения...
Нечисть вороньём горластым взмыла тучею с болота.

Вьёт Кикимора кудели, колдовство в нить заплетая,
Чтоб в лесу петляли тропы, пряду, спутав, в лес бросает.
Путь один – через болото, где от смога звёзды тают...
Где для путника в дремоте мох постелью гиблой станет.
Будто лапы динозавров – корни леса впились в землю,
Расплескался на деревья, словно кровь, густой
лишайник,
Становились явью духи, облакаясь живой плотью,
Закружило грибника в тот самый лес под звук гортанный.

Распадаются гнилушки под его ногами с хрустом,
Светят фосфором частички, огоньки вселяют страх...
Словно духи неземные очень маленького роста
Лезут в папоротник частый, где сгинут в бежевых кустах.
Стынет кровь от суеверья, видит это он впервые...

Путь-дорогу в чаще леса скрыла напрочь тьма густая,
Как назло поднялся ветер, тучи виснут грозовые,
Голоса как наважденье – звери, птицы, речь людская.

Прячась от дождя под кроной, он себя надеждой тешил.
Да поможет ему Боже, и укажет путь к спасенью.
Челюсть сводит позевота, затуманен взор свой смежил,
Провалился в сон глубокий под осиновую сенью.
Ветер дерева качает всё сильнее и сильнее...
Холод тело обвивает, руки, ноги онемели.
С боку на бок повернулся, сон исчез в одно мгновенье,
Филин смотрит взглядом жгучим на него с верхушки ели.

Камнем вниз сорвался филин, пролетел над головою,
Его клёкот, словно хохот сатанинский леденящий.
Вдруг неведомая сила грибника лишила воли...
Завертелась каруселью пред глазами его чаша.
Резануло болью темя, бьют крылами его птицы,
По щекам давно не бритым две кровавые полосы
Под осиною распятый, ввысь обращены глазницы,
Равнодушен он, спокоен на людские отголоски.

Шли охотники с собакой по извилистой дороге,
С поводка рвалась всё время в лес еловый мимоходом.
Побежали за собакой – может зверь какой в итоге?
Тело грибника нашли, он остыл до их прихода.
Пень на филина похожий – клюв, глаза, кора как перья,
Будто наблюдал за ними. Каркал ворон на дорогу...
Это оборотень леший насылает наважденье...

Ощутили вдруг охотники в душе своей тревогу...

(11.10.2018 г.)

Пепел

В душе моей пепел от этой не прошенной боли.
Куда бы исчезнуть, не видеть мирской суеты.
Что б выплакать слёзы на сжатом чернеющем поле,
Крича «Сколько можно!» В истерике до хрипоты.

А тучи как вороны, ветер в лицо я не чувствую.
Осень повёрнута в зиму, а мне всё равно.
Линию жизни судьба провела – что не выстою...
Лучшего ждать в этой жизни совсем не дано.

Сон, ты мой друг, лишь ночами бываю счастливая.
Там себя вижу такой, как мечталось мне быть.
Я будь-то птица, есть крылья и всеми любимая,
Только летаю, ведь я разучилась ходить.

(24.11.2013 г.)

Два «Я»

Разделился мой мир пополам, словно я – не я.
В мыслях всё как в дремучем лесу, я теряюсь в нём.
Так устала скитаться душа, ведь теперь два «я»,
И живут не в ладу меж собой тела два в одном.

Горечь скрылась внутри, мир жесток, в сердце боль
тоской.

Не сбежать, лабиринт без конца, свет не виден там.
Нет и слёз, на душе пустота, жизнь бежит рекой.
Это я и, взывая, молюсь, как всегда, небесам.

А другая я – не из мира сего, в облаках.
То смеюсь, чаще плачу навзрыд, затихая вдруг.
И в глазах неживых промелькнёт иногда лишь страх.
Мне уже всё равно от того, что сомкнулся круг.

(05.12.2013 г.)

Деревенька Чёртова

Часть 1. Иван Першиков

В семидесяти километрах от райцентра среди живописной природы раскинулась небольшая деревенька под названием Чёртова. В ней около трёхсот дворов, которые разделяет напополам мелководная речушка Разлука, заросшая ивняком и порослью камыша. Оба берега соединены с виду крепким деревянным мостом, построенным недалёко от плотины, из-за которой образовался глубокий пруд на окраине деревни, в котором водилась мелкая рыбёшка. Но по весеннему паводку, когда вешние воды, сбегая в речушку, бешено неслись в низину, мост разрушался до основания. В это время бывали случаи, когда жители гибли в ледяном водовороте по неосторожности. Жизнь деревенских людей протекала ни шатко, ни валко, хотя работы на всех хватало, кто на ферме работал, кто в поле. Только за неё платили мизерную зарплату, на которую сильно не разживёшься, и большинство деревенских спасались от бедноты своим подсобным хозяйством. К своим вещам здесь относились бережно, в них вырастало не одно поколение.

Отсюда до райцентра люди ездили только в исключительных случаях. Добирались кто как может. В основном обращались к местному фельдшеру, у которого все заболевания

сводились к одному диагнозу – ОРЗ.

Ходили в деревенский сельмаг, куда завозили необходимые продукты раз в неделю, словно на драку, и куда, можешь не можешь, в обязательном порядке каждый хозяин подворья должен сдать продукцию из своего подсобного хозяйства. А у кого такового не было, приходилось покупать у частников и тут же относить в магазин.

Ходили в школу «семилетку». В классах сидели, где пять, где десять учеников. Закончив её, молодёжь уезжала в город. Редко кто возвращался в свою деревню.

Здесь жители знали каждый двор наперечёт. Знали даже то, чего люди сами о себе не ведали – такое насочиняют, аж диву даёшься. «Сарафанное радио» разнесёт новость по всей деревне, виноватого не сыщешь. Но вот откуда произошло название их деревни Чёртова никого не интересовало, хотя повод задуматься над этим есть. Ведь возможно неспроста в их деревне посреди жаркого лета неожиданно налетит смерч и, кружа карусели вдоль улиц, срывает шифер с домов, выворачивает с корнем деревья. Или ниоткуда взявшиеся тучи накроют снежным покровом посаженные огороды и посевы. И то, что яровые никогда не вызревали здесь полностью и зерно просто пускали на силос для колхозного скота. Но есть ещё и нечто другое, которое не поддаётся никакому объяснению. Вот с Першиковым Иваном год назад по весне случай был. Он тогда ремонтировал гусеничный трактор, не считаясь со временем. Стоять ему долго в гараже

не было никакого резона, так как за ремонт практически ничего не платили. Копаясь в моторе, он вдруг услышал голос знакомый с детства и, разогнув спину, очень удивился, увидев в кабине своего трактора друга школьных лет, который давно уехал из их деревни. Иван быстренько вытер об ветошь мазутные ладони и с радостным возгласом протянул ему руку, говоря: «Здорово, дружище, какими судьбами ты здесь оказался?» Рука Ивана зависла в воздухе. Он растерялся, увидев, что в кабине трактора никого нет. Не веря своим глазам, он недоумённо огляделся вокруг, замечая удивлённые взгляды людей, обращённые к нему. Иван сразу же почувствовал себя неловко, но объяснять своё странное поведение никому не стал, боясь лишних разговоров.

Придя домой, Иван рассказал о странном видении на работе своей жене Галине, на что та ответила ему: «Так ведь друг твой, Колька-то, два дня как представился... Об этом вся деревня уже гудит, только ты один ничего не знаешь».

– Вот те раз, – подумал Иван вслух, – он же молодой ещё, с чего бы помирать-то?

– Так говорят про него, будто он лунатиком заделался. Среди ночи-то на балкон соседский полез, а его жена, судя, возьми, да и заори во всю глотку: «Ах, ты такой, сякой, разэтакий! Опять к Симке лупоглазой наострился», – ну он от неожиданности-то и свалился с третьего этажа.

– Ну и дела-а-а, час от часу не легче, – пробормотал Иван, – ну какой он лунатик, бабник, вот он кто! – и, за-

черпнув ковшом овсяного кваса из бочонка, махом выпил его большими глотками.

Проснувшись среди ночи потный от духоты, Иван долго ворочался с боку на бок и, понимая, что больше не сможет уснуть, стараясь не разбудить жену, вышел во двор, где сию же минуту его атаковали прожорливые комары. Закурив сигарету, прихваченную из дома, он прошёлся по шелковистой траве-мураве босиком, чтоб в упавшей росе охладить горевшие ступни ног. Глядя в чёрную пропасть млечного пути, он подумал о приснившемся только что странном сне, будто он с покойным другом Николаем, раскинув руки, словно две большекрылые птицы, парили в поднебесье среди пилигримов-фантомов в мириадах мерцающих звёзд. От нахлынувших суеверных мыслей Ивану стало смутно на душе. Притушив сигарету, он в великом смятении вернулся в дом, где проснувшаяся Галина, с тревогою выслушав мужа, посоветовала не обращать внимания на то, чего не может быть в реальной жизни, только с этого времени как заноза засела тоска в сердце Ивана.

Под осень того же года Ивана не стало. Это случилось на ферме, когда он на своём тракторе трамбовал в силосной яме зелень подсолнечника и кукурузы. В тот день, как обычно, к нему напросился на трактор десятилетний племянник – сынишка старшего брата Васютка. Иван часто брал любознательного парнишку с собой, который с малого возраста тянулся к технике, и Першиков не раз говорил с гордостью про

него на работе, что этот толковый пацан со временем будет отличным механиком. В ту роковую смену уже к пяти часам машины заполнили доверху силосную яму, и Ивану оставалось работы максимум на час, разровнять и утрамбовать зёлёнку, чтобы рабочие успели её закидать землёй до ночи. Как назло, его нетерпимо приспичило по малой нужде, не глуша свою технику, он вылез из кабины и бегом за трактор. В это время Васютка, толи из любопытства, толи ещё как, дёрнул за рычаг, и трактор, сдав назад, смял насмерть Ивана.

Хоть Васютку в случившейся трагедии не посчитали виновным, а обвинили самого Ивана за не соблюдение техники безопасности, Васютка – сын Митрофана, после такого стресса словно иголку проглотил...

Часть 2. Иван Першиков

«О-хо-хо», – горестно вздыхает Галина, думая о себе. Вот раньше хоть бы что ей, встанет в ночь-полночь и одна идёт в хлев корову стельную проведать, иль на работу по вечерам. Ничего не боялась до того момента, пока к её мужу Ивану друг его покойный Николай не стал воочию являться. От его рассказов о странных видениях у неё самой-то от страха мурашки по коже бегали, а каково было мужу видеть то, от чего люди с ума сходят. Но когда с Иваном случилось несчастье, «царствие ему небесное», те наваждения в её мыслях приобрели совсем другой окрас... Сейчас Галине кажется,

возможно, эти явления для мужа были предостережением об опасности, на которое они в то время не обратили внимания из-за предубеждения. С той поры Галина потеряла покой, вздрагивала от каждого шороха, видела тревожные сны, от которых ей, куда бы деться... Ей в своём одиночестве нелегко было вынести смерть самого близкого человека и она надумала в город к дочери податься. Но в самый последний момент будто что-то заставило Галину отменить наобум принятое решение. Оно и понятно, ей ещё помнятся те случаи в деревне, когда дети, казалось бы, с благим намерением сорвут родителей с места обжитого, продадут их дом, а потом оказывается не нужным старикам податься некуда. Она часто думала о том, что люди ко всему привыкают на свете, и она потихоньку тоже свыкнется со своими проблемами.

Но из-за невероятного случая, произошедшего вскоре после гибели Ивана, она будто сама не своя стала, и мнение насчёт того, что справится со своими трудностями, у Галины круто изменилось. В то утро землю окутал такой сильный туман, что в нём соседние подворья были едва различимы. От морозного воздуха пожухлая трава и кустарники в палисадниках стали совершенно седыми от инея. Галина не стала ждать, когда рассеется туман и, как обычно, в полседьмого вышла во двор, собираясь натаскать воды для скота из колодца, который находился в ста метрах от её дома. Подцепив коромыслом вёдра, она бойко вышла за калитку и остолбене-

ла, увидев обращённый к ней из тумана образ человеческой головы с глубоко посаженным рысьим взглядом, от которого Галине стало не по себе. Вдруг это лицо, искажаясь вкривь и вкось, расплылось в пелене сизого тумана, куда метнулась тень ниоткуда взявшегося волка. Фу-у-у-ух ты, – с дрожью в голосе невольно вырвалось из груди Галины, – это ж надо такому привидеться с утра пораньше.

Ей стало жутковато идти к колодцу при таком тумане, и она, повесив коромысло с вёдрами на жердине забора, решила в первую очередь накормить скот в хлеве. Подхватив на вилы сено, сброшенное с сеновала, стала напихивать его в пустую кормушку корове и нетели. Когда дошла очередь до загона, где содержались овцы, она увидела бьющуюся в предсмертных судорогах овечку, у которой шла кровавая пена изо рта. Галина, не зная как ей помочь, расплакалась от бессилия. Вдруг, слышит старческий голос седовласой старушки, явившейся к ней в эту раннюю пору из тумана.

– «Ты, голуба, не переживай так сильно о животине, Бог справедливо рассудил, отдавая смерти душу овцы, взамен души хворого Васютки, ведь он ведал, как дух вероломный подтолкнул несмышленного ребёнка дёрнуть за рукоять трактора.. Вот, возьми это, и протяни их сквозь суровую ниточку, да носи на груди ближе рубашки к телу своему, ни при каких случаях, чтобы ни произошло, не снимай с шеи, их нужно беречь тебе пуще глаза своего, так как эти бусинки заговорённые от разной нечисти, они оттолкнут от тебя встре-

чу с тёмною силою, – и старушка, вложив в ладонь Галины три жемчужные бусинки, велела зажать их крепко-накрепко в кулачок, загадочно говоря, – ведь, нечистый коль привяжется к кому, так просто не отступится.»

Как явилась эта старушка, так и исчезла с изумлённых глаз Галины в сизый туман. Держа в зажатом кулаке бусинки, Галина задумалась, где же взять ей эти суровые нитки, у неё их отродясь не бывало. И тут она случайно вспомнила о прошитой мешковине, висевшей с давних лет в предбаннике, из которой можно вытянуть ни одну суровую ниточку. Принеся мешковину в дом, она в первую очередь сделала так, как ей велела эта добрая старушка, вспоминая сколько наваждений ей пришлось пережить за свою жизнь.

Галина смолоду работает библиотекарем при сельском клубе, где редкие посетители наберут книг, а сдавать их не торопятся. Ей и сейчас, в свои выходные, пришлось дожидаться, когда эти горе-читатели вернутся с работы, чтоб идти к ним по домам в вечернее время собирать библиотечные книги, так как они у неё на подотчёте числятся.

На следующий день, придя на работу, Галина, стряхнув с себя снежные хлопья на улице, прошла по пустому фойе клуба в библиотеку. Она приходит сюда за три часа до начала сеанса, чтобы посетители могли за это время выбрать себе нужную литературу. Разложив на столе собранные накануне книги, она склонилась над списком должников, скрупулезно отмечая галочкой напротив каждой фамилии. В это са-

мое время с нудным скрипом открылась дверь в библиотеку. Вскинув голову от журнала, Галина увидела вошедшего посетителя, который, пристально взглянув на неё, бесцеремонно прошёлся между стеллажами к столу в читальном зале. «Странный какой-то, – подумалось ей о посетителе, – видно сей гость не из местных, явно чувствуется различие, местные-то обычно как заходят, так сразу же „Здрасьте.., Галина Александровна“, а этот молчит, как воды в рот набрал». Галина, взяв со стола стопку отмеченных книг, прошла вдоль стеллажей, раскладывая их по полкам. Дойдя до незнакомца, она вдруг почувствовала сильное жжение на груди, и невольно коснулась пальцами рук отворота своей крепдешиновой блузки, отчего бусинки на суровой нитке подтянулись вверх, брызнув неземной вспышкой света в рысьи глаза посетителя, которого сию же минуту как ветром сдуло из-за стола читального зала.

Часть 3. Сын Георгия Гончарова

В деревеньке Чёртова среди прочих подворий выделялся своей убогостью дом Георгия Гончарова, который слыл мастером не только по шорному делу, но и чинил всю конную утварь, гнул дуги, делал сани. Работая на конном дворе от зари до зари, у него не оставалось ни сил, ни времени для своих домашних дел, да и жена ему под стать – работая доряжкой на ферме, уходила из дома рано и приходила поздно

выжатая как лимон от усталости. А вот сынок их, Славка, смолоду увлекался зелёным змием, но после армии, устроившись скотником, всем на удивление бросил пить и женился на Людмиле – самой привлекательной девушке из соседней деревни Зуевка. Отец с матерью думали: «Слава тебе, Господи, может, остепенится..» и на радостях купили им на окраине деревни, как раз напротив пруда, пустующий домик умершей три года назад Фёклы Тимофеевны, которым теперь на своё усмотрение распоряжалась её внучка Зоя по завещанию старушки, прожившей на белом свете ни много, ни мало девяносто девять лет. Раньше-то без лёгкой руки Фёклы Тимофеевны ни одна свадьба не состоялась, она была не только талантливой свахой, но и замечательной повитухой.

Но не прошло и года после свадьбы, как Славка запил горше-горького на радость завистливым соседям и на горе родным, ему от ревности, словно мозги набекрень свернуло. Молодая жена ещё терпела, ходившие о ней по деревне, лживые сплетни, которые по её мнению распускались не от кого-нибудь, а с языка пьяного мужа. И они, на сто раз перевёрнутые сарафанным радио, возвращались к нему же. Но когда Славка, принося скандалы в дом, поднял на неё свои кулаки, Людмила собрала свои пожитки в чемодан и, пока спала деревня, ушла пешочком от похмельного мужа в свою деревню, которая находилась в десяти километрах от Чёртова, хоть и в родительском доме её никто не ждал. Её мать с отцом который год лежат под сенью берёзовой рощи.

Окутанная серой хмарью тумана она прошла по грунтовой дороге километра с два, не больше, от деревни Чёртова, как вдруг, откуда ни возьмись, рядом с ней остановился плетённый тарантас впряжённый вороным конём, каких в деревне видела не мало.

Людмила от неожиданности отскочила на обочину дороги, где рос золотисто-медовый донник. Испуганно взглянув на извозчика, который был ей совершенно незнаком, она молча продолжила свой путь. Вдруг слышит настойчивый голос, обращённый к ней: «Сяди-ись, нам с тобой по пути». Оглянувшись на голос, Людмила ещё раз обмерила взглядом извозчика, не найдя ничего подозрительного в его облике, закинула свой чемодан в тарантас и, приподняв край платья, уже готова была поставить ногу на приступок, чтобы сесть рядом с этим извозчиком, но неожиданно тарантас прямо на её глазах как сквозь землю провалился, а из сизого тумана к ней навстречу выступила матёрая волчица. От страха Людмила закрыла лицо руками и, дрожа как листочек на ветру, ждала своей участи.

Почувствовав лёгкое прикосновение к своему плечу, Людмила, вздрогнув, разняла ладони и увидела рядом с собой сухонькую старушку, которая сказала ей: «Небось испужалась, голуба, негоже в дороге садиться к кому попало, так и пропасть можно».

– Я волка очень испугалась, от него разве убежишь далёко, и возчик неизвестно куда подевался, ладно хоть вещи вер-

нул. Теперь вот не знаю, что мне делать, вперёд идти боязно, и назад ворочаться к пьянице мужу смысла не вижу, – ответила ей Людмила, поднимая с дороги свои пожитки.

– Не волнуйся, голуба, я провожу тебя, только ведь, если нечистый привяжется к кому, он так просто не отступится, – загадочно проговорила старушка, шагая рядом с Людмилой, которая в это время, ломая голову над сказанным, пыталась осмыслить о каком нечистом идёт речь.

Дойдя до развилки двух дорог, старушка сказала: «Дальше мне нельзя, вот возьми эти бусинки на суровой ниточке, да пуще глаза своего береги, но знай, что бы ни случилось, главное – на перепутье не свернуть со своей дороги..» – и исчезла в тумане.

– Какое странное предостережение, как я могу не найти свою дорогу, и какая именно дорога тут подразумевалась, – подумала Людмила, такой оборот в её жизненном пути, да ещё и туман как назло, а в нём всё что угодно можно встретить, и она с содроганием подумала о волке. Настороженно вглядываясь в седую хмарь тумана, Людмила вдруг почувствовала вокруг себя нечто жуткое, которое стало нагнетать свинцовой тяжестью её тело. Панический страх подстегнул Людмилу бежать очертя голову с этого перекрёстка в никуда, теряя бусинки ненароком, она начисто позабыла наказ старушки.

«В тиши предрассветной, в черте аномалий, встречаются людям видения явно, идут к перепутью в седые туманы ста-

рушка с девицей, а с ними волчица, дойдя, исчезают в густой серой хмари...»

Часть 4. Сын Георгия Гончарова

У Славки трещала голова с похмелья. Почёсывая себе низ живота, он прямо с постели полез в холодильник за огуречным рассолом. После пьяного дебоша над женою он, как ни в чём ни бывало, крикнул Людмиле: «Людка, а, Люд, собери-ка мне по-быстрому обед с собою, на работу опаздываю». Не дождавшись ответа, смачно выругался матом, и недовольно сказал, – как будто глухая стала», – но, увидев, что жены вообще нет дома, он, распаяясь снедаемый ревностью, выбежал на улицу, где прочесал все надворные пристройки в своей усадьбе в надежде воочию застать жену с любовником.

Не найдя жены, он, надевая её самыми последними словами, закрыл избушку на ключку и поспешил на ферму. Там за целый день он так накрутил свои нервы разными домыслами о Людмиле, что едва дождался конца смены, но на пути к дому не выдержал и, как обычно, свернул лошадь ко двору Зелёнкиной Марии – одинокой бабёнки, которая живёт не далеко от фермы. Славка, конечно, не за одним самогоном сюда приладилась..., от людей ничего не скроешь, и его родители увещевали Марию не спаивать Славку, не разбивать молодую семью, даже грозились заявить на неё куда следу-

ет, ей всё нипочём, у неё на шее три мальчика висят, а их как-то подымать на ноги надо. Она знала, что ради её детей никто жаловаться на неё не пойдёт. Так вот Славка этот, рассказывая Марии какой он несчастный, напился у неё, да ещё и на дорожку выклянчил поллитровку самогона.

Распрягая лошадь на конном дворе, Славка случайно заметил подошедшего к нему Митрофана – старшего брата покойного Ивана, который год назад попал под трактор.

Митрофан и говорит ему: «Слушай, Слав, для тебя есть неприятная новость. Я сегодня в райцентр ездил и недалеко от Чёртова, возле самого перекрёстка, чемодан подобрал, открыл его из любопытства, а там женские пожитки и ещё фотографии твоей жены. Мне думается, что Людмила не бросила бы его просто так на перепутье. Я на всякий случай покричал, покричал её, а она не отзывается. Может с ней беда какая-то приключилась? Искать её надо, а чемодан этот, я к тебе в ограду на крылечко сунул».

Славка, взбеленившись, заорал на всю деревню – Ну, и пошла она к чёрту, раз за длинным **** погналась, – и, пригнув к себе за грудки Митрофана, ехидно съязвил ему, – а может моя Людка-то и с тобою «та-во», а-а?»

Понимая, что с пьяным Славкой лучше не связываться, Митрофан пошёл своей дорогой от греха подальше. Ему было жаль Людмилу, эту скромную молодую женщину из порядочной семьи, которой очень не повезло в жизни после встречи с таким человеком как Славка, который от ревности

и пьянства сам как будто не живёт и другим не даёт.

Взойдя на крылечко своего дома, Славка с грехом пополам вставил ключ в замочную скважину и, открыв нараспашку дверь, швырнул чемодан на кухню, который от удара об стену неожиданно раскрылся, и всё содержимое вывалилось на пол. Обойдя стороною не богатый скарб Людмилы, он, глотнув из горлышка едкого самогона, положил на стол полбуханки ржаного хлеба и к нему в придачу кусок сала просоленного с чесночком, да пару малосольных огурчиков. Тут его взгляд упёрся в фотографию, лежавшую в ворохе белья, его непроизвольно потянуло взять её в руки. Пристально вглядываясь в черты лица Людмилы, он кроме пустоты в своей душе ничего не почувствовал в эту минуту, вот только на его небритом, обрюзгшем лице с отёкшими подглазьями в глубине карих глаз, казалось, застыла неподдельная боль от беспробудного пьянства.

Отложив фотографию жены в сторону, Славка наполнил гранёный стакан сивушным самогоном и только надумал пригубить его, как вдруг услышал рокочущий голос незнакомца.

– А ведь твоя жена очень любила тебя, зря ты её своей ревностью мучил, много раз проклинал, ведь проклятые люди, сам понимаешь, грешны, не грешны, ко мне в ад попадают.

Славка не верил своим глазам, что перед ним по другую сторону стола сидит сам дьявол. Обмирая от страха, он вяло пробормотал, – Мне кажется, ты уже забрал к себе мою жену,

да? А сюда-то зачем явился?

– За твоей душой, – сказал сатана, – а пока допивай свой самогон на посошок, – и придвинул стакан с самогоном ближе к Славке.

Не думая о своей жизни, Славка от самогона не мог отказаться, без всяких слов запрокинул в гортань стакан едкого самогона, заедая его малосольным огурцом в последний раз.

Этой ночью кромешной поднявшийся ветер над домом убогим тоску навевал, где от дум невесёлых у матери Славкиной защемило сердечко, в ожидании беды. Материнское сердце, его не обманешь, чрез него боль сочтется родного дитя, и в бороздки морщин на лице изнемогшем закапали слёзы из приспущенных век.

Часть 5. Георгий Гончаров

Гончаровы, похоронив единственного сына Славку, забили в его доме крест-накрест окна, закрыли двери на замок, боясь, что соседские дети в нём разведут пожар. И покатился их быт по обычному руслу – «дом – работа, работа – дом», ведь горюй не горюй, а жить дальше как-то надо. Дом их сына выглядел намного добротнее, чем у них, но разговора, чтоб со временем туда перебраться у Георгия с женой не было, несмотря на то, что от Славкиного дома до фермы, где работала Раиса, расстояние наполовину короче. Они попросту решили продать этот дом, как представится случай, чтоб

вернуть потраченные деньги.

В этот год осень выдалась дождливая, светало поздно, темнело рано. Жена Георгия, надев резиновые сапоги, поспешила по слякоти на вечернюю дойку коров. Путь до фермы пролегал через мост по дороге мимо Славкиного двора, огороженного осиновыми жердями, стоявшего на окраине деревни, где смешанный лес упирается в его заросший травой огород. С работы домой, как обычно, возвращалась затемно. Проходя мимо Славкиного дома, Раисе почудился льющийся звук пастушьей дудочки, тоскливая мелодия притянула её взгляд к окну, в котором она явно увидела свет. Раиса хотела уже подойти поближе, чтоб заглянуть в щель забитого окна внутрь дома, как вдруг увидела фантом молодой женщины, которая будто искала что-то в траве, пытаясь пройти к Славкиному дому, но всё время натыкалась на осиновые жерди. Перекрестившись со страху, Раиса кинулась прочь от дома. К её рассказу об увиденном привидении Георгий отнёсся скептически, и Раиса, оставив своё мнение при себе, лишь попросила мужа, чтоб он в следующий раз провожал её на работу и встречал в тёмное время суток. Георгий против ничего не имел, так как знал, что жена из-за смерти сына и без вести пропавшей невестки пережила сильный стресс.

Прошло какое-то время, и Раиса почти стёрла из своей памяти случай с привидением, ей уже самой стало казаться, что такое увидеть в жизни нереально. Но накануне го-

довщины Славкиной смерти она явно услышала сквозь сон знакомое звучание дудочки, тоскливая мелодия вселила в её сердце тревогу, сон как рукой сняло. Чувствуя, что от бессонницы ей уже не избавиться, встала тихонько с постели, чтоб не разбудить мужа, и заварила себе чай. Вдруг увидела за печью нечто мохнатое маленького роста с лысой головой, которое, сверкнув на неё огромными глазищами, скрылось в отверстие для кота в подпол. От испуга кружка с чаем из её рук грохнулась на пол. Проснувшийся от шума Георгий затопал босыми ногами к ней на кухню. Там, без каких либо эмоций выслушав жену, ушёл в комнату и, раздёрнув шторы у окна, закурил сигарету. Выпуская дым в открытую форточку, он задумчиво вглядывался в сумрак ночи. Раиса обиженно смотрела в спину мужа, на этот раз по выражению его лица, ей показалось, что он думает о ней как о больной. Неожиданно Георгий чертыхнулся и, закашливаясь до посинения от табачного дыма, показал ей рукой в сторону озера. Подойдя к нему, Раиса увидела свет в Славкином доме.

– Ну вот, что я тебе говорила, а ты мне не верил, – лезла в занозу к мужу Раиса.

– Так ты о привидении говорила, а тут, похоже, совсем другое дело, может малолетки от нечего делать развлекаются, схожу-ка я сейчас туда да гляну, кабы дом не спалили нам.

– Не ходи, я одна дома боюсь оставаться, вот проводишь меня на работу, заодно и Славкин дом проведаешь, нечего

в три часа ночи бродить. Говорят, в это время вся «нечисть из пекла выходит», беду наслать могут, – заворчала Раиса, но он её даже слушать не хотел.

– Разве потом узнаешь, кто из этих шалопаев в чужие дворы лазит, утром все по домам своим разойдутся, а тебя за это время никто не съест, и не морочь мне больше голову своими фантазиями, – на шарив в ящике стола фонарик с ключами, он вышел на улицу.

Под его ногами чавкала вязкая грязь, отчего собаки в соседних дворах захлёбывались в беспрерывном лае. Георгию хватило пятнадцати минут, чтоб добраться до Славкиного дома, в котором горел тусклый свет. Заглянув в окно, он увидел на столе распитую бутылку водки, полбуханки ржаного хлеба и стаканы, до половины наполненные спиртным. – Вот я вам сейчас повеселюсь, ироды проклятые, – чертыхнулся Георгий и, взойдя на крылечко, толкнул внутрь дверь, но она оказалась запертой. Торопясь застать незваных гостей врасплох, он, вставив ключ в скважину внутреннего замка, в два поворота открыл избу и оцепенел, увидев за столом призрачное явление – фантом пьяного Славки, а вместе с ним по другую сторону стола – незнакомца, который выводил тоскливую мелодию на пастушьей дудочке.

От ощущения холода, а может и страха, Георгия замолотило, что зуб на зуб не попадает. Он стоял словно пригвождённый жгучим взглядом незнакомца, который совершенно не выглядел фантомом. В это время тот прекратил

дуть в свою дудочку, и, будто читая мысли Георгия, показал на фантом согбенного от адовых мук вечно пьяного Славку, говоря, что его сын не нашёл упокоения души в мире ином, так как при жизни не было истинного покаяния за грехи свои: загубленную им жену и беспробудное пьянство.

Неожиданно незнакомец бросил на стол игральные карты, приглашая Георгия сыграть с ним на посошок. Георгий никогда в жизни не садился за карты, а тут, словно в дрёме какой-то, не ведая сам что творит, подчинился незнакомцу и проиграл. Тот, улыбнувшись лукаво, положил перед носом Георгия туза пик в перевёрнутом виде и, ткнув в карту чёрным ногтем указательного пальца, сказал: «Вот и конец твоего пути, которого не обойти и не объехать». Георгий с ужасом воззрился на незнакомца, который тут же с фантомом Славки, ушел сквозь стену дома. В этот миг с Георгия спала пелена иллюзий, не сулившая ничего доброго. И хотя он подумал, что странному наваждению едва ли можно верить, всё же для большей убедительности осмотрелся вокруг себя. Не увидев никаких следов пребывания ночных гостей, покачал головой: «Это ж надо такому пригрезиться», – только в сердце закралась печаль, и он впервые за свою жизнь, поверив в Бога, набожно перекрестился.

Часть 6. Георгий Гончаров

Георгий запер на замок Славкин дом и, бормоча себе под

нос про жизнь беспокойную, только направился к мосту, как вдруг увидел призрак молодой женщины, идущей в его сторону по некошеной траве. От страха он присел на корточки возле изгороди Славкиного огорода и, затаив дыхание, стал наблюдать за ней. Привидение женщины, касаясь травы руками, пристально вглядывалось в густую поросль костра, будто искало потерянное, из-за которого не могла найти покоя на том свете. Когда оно сравнялось с Георгием, его чуть кондрашка не хватил – призрак, как две капли воды, походил на их сноху Людмилу. Её невидящий взгляд скользнул по нему, и он непроизвольно втянул голову в плечи, она же проследовала мимо к пруду, где растворилась в сизом тумане. Вытирая холодный пот с лица, ему подумалось: «Ни хрена себе ночка выдалась, видно не зря по деревне гуляют смутные слухи о всякой чертовщине...».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.